

*тебе ли выжженной равнине
любовниками всех мастей
гореть печальницей отныне
в печах распахнутых страстей*

*тебе ли восходившей в горы
остроконечного огня
так важен каждый новый город
в котором больше нет меня*

В новой книге Андрея Коровина собраны стихотворения, написанные им за последний год. А ведь многое из написанного в книгу не вошло! Вот что пишет о книге Коровина Ирина Евса: «Автор в этой книге предстает перед нами неотделимым от своего лирического героя. Актёр, одновременно играющий множество ролей в театре, который сам же и создал; обвинитель и (вместе с тем) защитник в суде, назначенном им самим; циркач, жонглирующий смыслами, именами, словами, топонимами; фокусник, извлекающий из шляпы не привычного голубя, а то, чему никто из следящих за его руками не осмеливается дать название в этом диковинном шапито, где вместо купола – чёрное южное небо, полное звёзд? Чередование масок на этом, исполненном трагизма и веселья, карнавале столь увлекательно, что в какой-то момент забываешь о его создателе, становясь соучастником действия, и хочешь лишь одного: чтобы оно не кончалось».

РЕКУЩАЯ РЕКА ГЕННАДИЯ КАЛАШНИКОВА

(Геннадий Калашиников, В центре циклона. – М., Воймега, 2018)

На мой взгляд, это очень важная книга в творчестве известного московского поэта. Книга-веха, книга-разговор. Калашиников любезен народу тем, что задаёт нужные вопросы. Поднимает вечные проблемы. Человек и время, поэт и его след в истории. На чьих весах будет взвешено его творчество? «В центре циклона» – ударное название. Именно «в центре», а не «в эпицентре». Поэт всегда в гуще событий. И, может быть, сам является и причиной, и следствием вызванного его притяжением циклона. Название книги – многозначно. Наша жизнь не только циклична, но и «циклонична». Очень важен для поэтики Калашиникова гераклитовский образ текущей реки. Речь реки. «И у дна вода не такая, как не у дна». «Ведь запомнит вода у запруды пруда, что не входят в поток её дважды». «А река всё течёт, передёргивая озябшей кожей». «Всё течёт, Гераклит, всё течёт, и течёт, и течёт». «Вода причудлива и каждый миг иная, шершавая, угластая, прямая». Неподвижность движения, одновременность мимолётного и вечного очень характерны для мировоззрения Геннадия Калашиникова. И всё это убедительнее всего звучит в рифмованных строчках. Зачем писать верлибры, если так виртуозно владеешь рифмой?

Во все времена творчество развивалось как диалог различных культур. Так, Возрождение целиком базируется на древнегреческих представлениях о красоте. Что касается русской поэзии, то она всегда была внимательна к текстам предшественников, вступая с ними в открытый диалог. Диалог этот мог быть самым разным – от неприятия и насмешки до восхищённого цитирования. Геннадий Калашиников широко использует приём неожиданного цитирования, отсылая читателя к нашим классикам. Его цитаты носят, я бы сказал, магический характер. Это звучит совсем не так, как, скажем, у Александра Кабанова или Тимура Кибирова. Вот, например, знаменитые строки Мандельштама:

*Я скажу это начерно, шёпотом,
Потому, что ещё не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.*

И Геннадий Калашиников, на радость читателям, начинает в своём стихотворении игру своего «безотчётного неба» с текстами Осипа и других русских поэтов. Слышатся Хлебников и Кручёных. Причём, я вполне допускаю, что расслышал далеко не все аллюзии Калашиникова. Вначале Геннадий «зацепился» за строчку Мандельштама «потому, что ещё не пора...». И – полилось! И – пошло! И – поехало!

*Никогда не пора,
ни в ночи, ни с утра...*

*погоди у воды, ледяным повернувшейся боком.
Кто-то смотрит на нас,
то ли тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком.*

*Пусть запомнит вода
рыбака невода,
птицелова силки и упрямые петли погони.
Прячет омут сома,
смотрит осень с холма
из-под тонкой, прохладной ладони.*

*На миру, на юру,
на бытийном ветру
из живущих никто не пропущен.
Дальний выстрел в лесу
постоит на весу
и рассыплется в чащах и кущах.*

*Смотрит осень вприщур,
зинзивер, убещур
и прорежи, зиянья, пустоты.
Что ты медлишь, Творец,
расскажи, наконец,
про твои золотые заботы.*

И вот эти «золотые заботы» – это ведь тоже Мандельштам, друживший тогда, сто лет тому назад, в начале 20-х годов прошлого века, с двумя сёстрами. Одну из них звали Тяжесть, а другую – Нежность. Вот как это звучит у классика: «Золотая забота, как времени бремя избыть». С одной стороны, Геннадий Калашников говорит о соотнесённости нашей жизни в будущее. С другой – объединившись на время с Мандельштамом, яростно спорит с Пушкиным, который «притомился» от своей деятельности: «Пора мой друг, пора! Покоя сердце просит». «А вот ни фиги! – словно бы говорит нам Калашников, – Никогда не пора!». И вот этот «двойной ход амфисбены» – назад, к классикам и сюда, к современникам – придаёт повествованию поэта и объём, и значимость. Я так подробно останавливаюсь на этом стихотворении, потому что в нём, на мой взгляд, звучит лучший Калашников последних лет. Мне кажется, Геннадию удалось литературными средствами выразить формулу бытия. Всё проходит, но ничего не проходит. Тут и метафизика, и живое движение жизни – в одном флаконе. Что хочет выразить Калашников? Сожалеет он, ругается, сетует или молится? Поди, догадайся. Возможно – всё вместе. Ругаться на неизбежность ухода – сильно, но не эстетично. «Зинзивер, убещур» – когда обычные слова из литературного словаря бессильны, на помощь приходят слова, придуманные поэтами. Камо грядеши, «сутулый поплавок», мыслящий тростник? Мне кажется, Геннадий Калашников сделал за последние десять лет громадный шаг вперёд и уже мыслится многими как «поэт первого ряда». Конечно, любая его новая книга становится событием. Обилие аллюзий из других поэтов, как мне кажется, вплетает голос Геннадия Калашникова в некий надмирный хор поэтических голосов. При этом Геннадий, как правило, трактует эти цитаты по-своему. Удивительное дело! Цитаты у Калашникова звучат не как цитаты, а как непрямая прямая речь лирического героя. Вот, например:

*Лязг, дребезг времени железный.
Над кем смеяться, грустить о ком?
Есть упоение над бездной!
Край. Точка ги и точка сот.*

Структура стихотворений Геннадия такова, что его собственный голос «перекрывает» голос классика, в данном случае – Пушкина. Даже интонация принципиально другая! И это само по себе – удивительный феномен. Калашников – плоть от плоти гражданин своего времени, которое словно бы «зависло» в ожидании очередной переоценки всех ценностей. Всё закрыто «на переучёт», и непонятно, что и как будет оценено даже в самом ближайшем будущем. Любой человеческий труд может на поверку оказаться напрасным, и это не добавляет нашим современникам оптимизма и уверенности в себе. Эти веяния улавливаются чутким ухом поэта. Практика показывает, что нескольких отличных стихотворений вполне достаточно для того, чтобы книга «прозвучала». Остальные стихи словно бы «оттеняют» лидеров. Это как у музыкантов – достаточно одного удачного сингла. А уж если диск состоит из одних синглов, это просто удача.

*Последний трамвай, золотой вагон, его огней перламутр,
и этих ночей густой самогон, и это похмелье утр,
как будто катилось с горы колесо и встало среди огня,
как будто ты, отвернув лицо, сказала: живи без меня, –
и ветер подул куда-то вкось, и тени качнулись врозь,
а после пламя прошло насквозь, пламя прошло насквозь,
огонь лицо повернул ко мне, и стал я телом огня,
и голос твой говорил в огне: теперь живи без меня, –
и это всё будет сниться мне, покуда я буду жить,
какая же мука спать в огне, гудящим пламенем быть,
когда-то закончится этот сон, уймётся пламени гуд
и я вскочу в золотой вагон, везущий на страшный суд,
конец октября, и верхушка дня в золоте и крови,
живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи.*

Новая книга открывает нам Геннадия Калашникова как поэта трагического. За поэзию автору приходится платить жизненными утратами. Трагедия жизни заключается в том, что ничего ничем нельзя компенсировать. Калашников умеет повернуть повествование в неожиданную сторону. Никогда не знаешь, куда именно он завернёт. Телескопичность зрения позволяет ему постоянно менять ракурс и ход мыслей. Порой самоирония спускается у него до самосарказма, и тогда поэт говорит о себе и о времени разные жёсткости. Но это, на мой взгляд, очень здоровое качество. Поэт словно бы играет в игру «обзови себя недобрый словом». Фонетический дар Геннадия Калашникова велик и несомненен. Стихи могут быть разными по тональности и настроению, но поэтический звук – своего рода визитная карточка поэта. «И за гвоздик, забитый в зенит, зацепилась зелёная туча». У поэта поразительное единение с природой «То рассыплется вечность, то вновь из песчинок и брызг соберётся». И, в отличие от Тютчева, Калашников ночи предпочитает день. «В центре циклона» – сильная, стильная книга, где каждое стихотворение заставляет задуматься, побуждает сопереживать. «Ночлег в пути» – стихотворение с фольклорными мотивами, заставляющее вспомнить «Русский огонёк» Николая Рубцова. Каждому из нас приходилось ночевать в чужом доме и с непривычки страдать бессонницей. Но Геннадий Калашников не был бы тем Калашниковым, которого мы ценим и любим, если бы не вплёл сюда подтекстом соображение о том, что вся наша жизнь – это, в сущности, ночлег в пути из одной вечности в другую. Может быть, из синей – в сиреневую. У Калашникова-поэта нет слабых мест. Его стихи – монолитный сплав мистики, правды, философии и живой жизни. Геннадий Калашников – автор скромный, требовательный к себе и преданный поэзии. Золотой человек!

*Для рыб я птица, а для птиц я рыба.
П озера мерцающая глыба,
растущая из бьющего ключа,
колеблема движением плеча.
Вода причудлива и каждый миг иная,
шершавая, угластая, прямая,
секундою и вечностью живёт,
и синий мрамор неба отражая,
и стрекозы мигающий полёт.*